

Дуальность мотивационных паттернов и триадный анализ: к социетальной методологии исследования. Статья 1. Теоретико-методологические основания.

Аннотация

Введение. В статье предлагается подход к анализу социальных систем, переформулирующий классическую дихотомию «микро–макро» в задачу операционального анализа согласованности трёх уровней, инвариантных к масштабу. Вместо поиска связи между масштабами описывается аналитическая архитектура социальной реальности – уровни, присутствующие в любой самовоспроизводящейся системе.

Методология. В основе – методологический синтез диалектики (как логики развития через противоречия), веберовского идеально-типического конструирования (как способа построения чистых аналитических моделей) и принципа холизма (понимание системы как органического целого, свойства которого не сводимы к сумме частей). Результат – триадная модель, выделяющая три аналитических измерения: Системное (правила, институты, ресурсы), Социальное (практики, коммуникации, ритуалы), Экзистенциальное (смыслы, эмоциональные нормы, мотивационные режимы). Каждый уровень выводится из функции самовоспроизводства, а его состав – из цены отсутствия каждого элемента.

Результаты. Разработан метод триадного анализа: реконструкция трёх уровней, выявление трёх типов рассогласований (правила–практики, практики–смыслы, смыслы–правила), диагностика четырёх сценариев – адаптации, стагнации, кризиса, распада. Показано, что динамика определяется качеством связей между уровнями, а не свойствами элементов. Введены понятия латентного состояния и веса триады. Индивид не образует четвёртого уровня, а выступает узлом на пересечении трёх; агентность определяется как конфигурационная позиция – способность действовать иначе открывается в несовпадении уровней.

Заключение. Модель имеет аналитическое ядро (условия самовоспроизводства) и эмпирически проверяемую периферию (гипотезы о связи рассогласований и сценариев). Она позволяет диагностировать системы любого масштаба в единой системе координат. Развитие динамической составляющей составит предмет второй статьи, механизмы динамики и типология кризисов – третьей, эмпирическая апробация – в отдельной публикации.

Ключевые слова: триадный анализ, рассогласования, аналитический холизм, системный уровень, социальный уровень, экзистенциальный уровень, агентность, социетальная методология.

The Duality of Motivational Patterns and Triadic Analysis: Toward a Societal Research Framework. Article 1. Theoretical and Methodological Foundations.

Abstract

Introduction. The article proposes an approach that reformulates the classical micro-macro dichotomy into an operational analysis of the consistency of three scale-invariant levels – an analytical architecture present in any self-reproducing system.

Methodology. The approach synthesizes dialectics, Weberian ideal-typical construction, and holism, resulting in a triadic model: Systemic (rules, institutions, resources), Social (practices, communications, rituals), and Existential (meanings, emotional norms, motivational regimes). Each level is derived from the function of self-reproduction; its composition – from the cost of the absence of each element.

Results. A method of triadic analysis is developed: reconstruction of three levels, identification of three types of misalignments (rules–practices, practices–meanings, meanings–rules), and diagnosis of four scenarios – adaptation, stagnation, crisis, disintegration. Dynamics are determined by the quality of connections between levels, not by properties of elements. The concepts of latent state and the weight of a triad are introduced. The individual acts as a node at the intersection of the three levels; agency is defined as a configurational position.

Conclusion. The model has an analytical core (conditions of self-reproduction) and an empirically testable periphery. It allows diagnosing systems of any scale within a single coordinate system. The dynamic component will be the subject of a second article, mechanisms of dynamics and a typology of crises – of a third, empirical testing – in a separate publication.

Keywords: triadic analysis; misalignments; analytical holism; systemic level; social level; existential level; agency; societal methodology.

Введение

В современной социологии сохраняется фундаментальное методологическое напряжение между языком описания структур и языком человеческих смыслов. Эта дилемма микро-макро-связи восходит к истокам дисциплины, когда были заложены две парадигмы, которые впоследствии оказалось трудно совместить. Разумеется, эта дихотомия – аналитическое упрощение, но именно оно задало траекторию последующих дискуссий. С одной стороны, это объективные и принудительные в своём методологическом ядре «социальные факты» Э. Дюркгейма [8], объясняющие поведение людей первично давлением структур. С другой – идея субъективно подразумеваемого «смысла» действий М. Вебера [4],

выводящего социальный порядок исходно из внутренних мотивов индивидов и тем самым задающего иную точку отсчёта для анализа.

Как показал Н. Элиас [16], теоретически это противопоставление ложно. Однако на уровне исследовательской практики разрыв продолжает воспроизводиться. Это проявляется в подходах, которые фокусируются лишь на одном из измерений: институционализм концентрируется на системных рамках, сетевой анализ – на паттернах взаимодействий. Более того, современные исследования фиксируют углубление этой фрагментации как в российской [9; 10; 17], так и в зарубежной социологии [20; 38], а также в самой социальной реальности, которая становится все более мозаичной и расколотой [1].

Наиболее влиятельные попытки преодолеть этот разрыв предпринимались в рамках теории структуризации [6], морфогенеза [19], теории социальных систем [11; 31] и теории практик [3; 22]. Эти подходы создали понятийный аппарат для объяснения связи структуры и действия. Однако их сила – во внутренней логической связности – оборачивается сложностью операционализации при переходе к анализу конкретных кризисных ситуаций. Предлагаемая модель не конкурирует с ними, а решает иную задачу: предоставить исследователю операциональный инструмент для диагностики конкретных кризисных ситуаций через выявление рассогласований между уровнями системы. Если Элиас, Гидденс, Бурдье и другие показали, что макро- и микроуровни неразрывны, то предлагаемая модель показывает, как эту неразрывность можно анализировать в конкретных эмпирических случаях.

Настоящая работа исходит из предположения, что вопрос «как связаны структура и действие?» может быть продуктивно дополнен другим, более фундаментальным вопросом: из каких аналитических элементов складывается любая социальная система? Вместо того чтобы искать механизм связи между масштабами, предлагается сначала описать универсальную аналитическую «архитектуру» социальной реальности – то есть те уровни, которые присутствуют в любой системе, независимо от её масштаба.

Ответ на этот вопрос требует предварительного уточнения: что здесь понимается под социальной системой. Система – это выделяемая в анализе конфигурация элементов, границы которой задаются исследовательской задачей. Один и тот же объект может рассматриваться как разные системы – в зависимости от того, что изучается. Например, один и тот же завод может анализироваться как цех, как предприятие или как элемент отрасли – в каждом случае меняются и границы, и состав элементов. Системный взгляд используется здесь как рабочая перспектива: он позволяет рассматривать социальные явления не как

изолированные единицы, а как взаимосвязанные элементы, свойства которых определяются их отношениями с другими элементами. Такая перспектива не отменяет анализа отдельных явлений, но дополняет его вопросом о связях и зависимостях между ними: устойчивость системы – свойство не суммы действий, а их соотношения. Однако если система – аналитическая конструкция, возникает вопрос: что обеспечивает её существование во времени?

Отправной точкой служит тезис о том, что система существует во времени лишь постольку, поскольку воспроизводится. Если поддержание этого воспроизводства обеспечивают собственные процессы системы, речь идёт о самовоспроизводстве. Анализ его условий позволяет выделить три ключевые функции. Первая – структурирование: задание объективированных, относительно устойчивых условий, которые не сводятся к отдельному акту, но поддерживаются через него и определяют координаты возможного действия, включая доступ к ресурсам и властным полномочиям. Без этого нет общей системы координат – действия не могут согласоваться. Вторая – взаимодействие: воспроизводство системы через живые акты, существующие только в исполнении. Без этого система не воспроизводится через действие – остаётся объективированная структура, лишённая процессуального измерения: не живая система, а её след. Третья – осмысление: поддержание коллективно производимого и оспариваемого смыслового горизонта, который связывает элементы системы в осмысленное целое и задаёт мотивацию, значение и оценку. Без этого связь между элементами не обретает внутренней необходимости – она поддерживается лишь внешним усилием, а не собственной значимостью. В таком случае система воспроизводится, но не самовоспроизводится: её удерживают усилиями, которые она сама не производит. Дефицит любой из трёх функций объясняет, почему такое воспроизводство требует постоянного внешнего усилия.

Различение воспроизводства и самовоспроизводства проливает свет и на границу между привычкой и осмыслением. Неосознаваемая привычка существует в исполнении и не требует коллективной артикуляции – она воспроизводится через взаимодействие, но не обретает собственного смыслового горизонта. Осмысление начинается там, где привычка становится предметом коллективной отсылки – «мы делаем так, потому что...»: действие обретает разделяемое оправдание, а не просто повторяется.

Эти функции не сводимы друг к другу: условия не могут заменить действие, а действие – смысл. Каждая из них отвечает на свой вопрос – что возможно? что делается? что это значит? – и задаёт отдельное измерение анализа.

Они не исчерпывают социальную реальность – она всегда богаче и сложнее любой схемы. Вместе с тем они задают аналитически необходимый и эвристически достаточный набор условий для анализа. Необходимый – потому что отсутствие любой из трёх делает самовоспроизводство невозможным: двумя не обойтись. Достаточный – потому что любой социальный феномен, взятый в аспекте самовоспроизводства и рассматриваемый как объект анализа, может быть реконструирован через эти три измерения: его условия, механизм осуществления и значение – четвёртое сводится к одной из трёх. Власть, конфликт и материальное воспроизводство не образуют четвёртой функции: они не отвечают на отдельный вопрос, а распределены по всем трём – каждый по-своему.

Функции задают необходимые условия, но самовоспроизводство разворачивается не в абстракции, а в конкретных, наблюдаемых проявлениях. Функция – это аналитическая категория, описывающая процесс, а процесс не существует вне той формы, в которой он протекает. Поэтому каждая из трёх функций обретает форму в соответствующем уровне: структурирование – в Системном, где оно воплощается в правилах, институтах и распределении ресурсов; взаимодействие – в Социальном, где оно существует как практики, коммуникации и ритуалы – то есть формы, которые живут только в исполнении; осмысление – в Экзистенциальном, где оно выступает как разделяемые смыслы, нарративы и эмоциональные режимы, придающие действиям значение и направленность.

Единство этих трёх измерений – Системного, Социального и Экзистенциального – образует триаду. Отсюда название метода – триадный анализ.

Следует оговорить, что Экзистенциальный уровень не сводится к индивидуальной психологии. Речь идёт об интерсубъективно разделяемых смыслах, публично артикулируемых нарративах и наблюдаемых эмоциональных режимах – феноменах, которые могут быть зафиксированы внешним наблюдателем и проанализированы как социальные факты [15; 2]. Приватные смыслы и индивидуальные переживания становятся предметом анализа только тогда, когда они объективируются – обретают доступную наблюдению форму. То, что не объективировано, не может быть проанализировано как социальный факт.

При этом уровни различимы в анализе, но эмпирически могут быть спаяны: в реальном взаимодействии Системный, Социальный и Экзистенциальный образуют единое целое, проявляясь друг через друга – правила реализуются в практиках и легитимируются смыслами, практики кристаллизуются в правилах и порождают смыслы, смыслы перестраивают практики и переопределяют институты. Однако для диагностики их необходимо разделить. Задача анализа – не разрывать то, что в реальности является

континуумом, а выявлять, какой уровень задаёт тон в исследуемой конфигурации, а также согласования и рассогласования между уровнями. Именно от качества связей между уровнями зависит, воспроизводится ли система устойчиво: когда, например, системное правило поддерживается соответствующей социальной практикой и обретает экзистенциальный смысл – система самовоспроизводится; когда правило соблюдается лишь формально, практики подменяют его неформальными договорённостями, а смыслы переживают этот порядок как несправедливый – самовоспроизводство становится нестабильным.

Поскольку эти функции суть условия самовоспроизводства, они применимы к любой самовоспроизводящейся системе, независимо от её масштаба. А поскольку функция, как показано выше, не может быть представлена иначе как в форме уровня, эти формы также применимы к любой самовоспроизводящейся системе – и в рамках выделенных измерений остаются структурно однотипными, меняется лишь их содержание. Структурирование (Системный) в семье принимает форму ролей, простых договорённостей и семейного бюджета, в государстве – устойчивых институтов, закреплённого права и распределения бюджетных средств; взаимодействие (Социальный) в семье – это повседневные практики заботы и ритуалы совместного ужина, в государстве – публичные процедуры и гражданские практики; осмысление (Экзистенциальный) в семье – это предания о происхождении рода, представления о «правильном» члене семьи и гордость за семейные достижения, в государстве – идеология, коллективная идентичность и гордость за национальные достижения.

Это разделение позволяет по-новому взглянуть на проблему микро-макро, десятилетиями остававшуюся предметом интенсивных социологических дискуссий [7; 18; 30; 32; 38]. Она возникает из-за того, что исследователи пытались найти связь между масштабами, не имея языка для описания того, что одни и те же функциональные элементы принимают различную эмпирическую форму в зависимости от масштаба, оставаясь при этом структурно изоморфными [25].

Семья и государство, локальное сообщество и национальная экономика – это не разнородные объекты, которые нужно связывать, а один и тот же тип функциональной организации, развёрнутый в разных масштабах. Предлагаемая триада даёт язык для описания этой организации, показывая, что любая социальная система, независимо от масштаба, может быть проанализирована через согласованность её системных параметров, социальных практик и экзистенциальных смыслов. Так дихотомия микро-макро переформулируется в операциональный анализ связей между уровнями, а сама проблема «связи масштабов»

перестаёт быть концептуальным тупиком, уступая место вопросу о том, как в конкретной системе согласованы её уровни.

Переформулировка проблемы масштабов – не единственное следствие. Те же инвариантные уровни могут служить общей системой координат для дисциплин, которые традиционно фокусировались на разных аспектах социальной реальности. Экономика получает возможность связать структуры и распределение ресурсов [13] с практиками взаимодействия и разделяемыми смыслами; психология – встроить мотивацию и признание [33] в социальный контекст; философия – операциональную рамку для понятий ценности и смысла [2]. Социология же получает инструмент для целостного анализа систем любого масштаба.

Классические теории, при всей широте их охвата, выделяют один из уровней как приоритетный: Маркс, при всём внимании к классовым практикам и формам сознания, рассматривает их как производные от системных параметров [12]; Бурдье, учитывая системные ресурсы и экзистенциальные диспозиции, помещает в центр анализа социальные практики [3; 22]; Вебер, признавая влияние институтов, фокусируется на субъективных смыслах [4]. Предлагаемая триада не отменяет эти подходы – напротив, каждый из них высветил ключевые аспекты социальной реальности, которые триада позволяет соотнести в единой рамке, где их фокусы могут быть сопоставлены.

При этом сама модель не вводит новые элементы в социологический аппарат – правила, практики, смыслы, рассогласования между ними описывались и ранее, от Гидденса до Хабермаса. Её новизна – в архитектуре: три функции самовоспроизводства (структурирование, взаимодействие, осмысление) выделяются как функционально изоморфные и связываются тремя осями рассогласования, аналитически различимыми и не образующими предустановленной иерархии. Это не расширение двойственности структура/действие третьим членом и не добавление уровня к дихотомии система/жизненный мир. Различие не в количестве элементов, а в логике напряжения: в двойственности или дихотомии есть одна ось, и разрешение одного полюса исчерпывает диагностическое пространство. В предлагаемой топологии три оси существуют одновременно – выравнивание одной пары не устраняет рассогласование двух других, а состояние системы определяется конфигурацией всех трёх. Ближайшие параллели – трёхсферная схема Д. Белла и морфогенез М. Арчер – также не решают этой задачи: Белл фиксирует противоречия между сферами общества (экономикой, политикой, культурой), Арчер описывает циклы изменений во времени. В обоих случаях логика объяснительная: они показывают, почему возникает напряжение или изменение. Предлагаемая модель работает

иначе: три оси рассогласования служат не столько объяснению причин изменения, сколько диагностике порождающей его конфигурации – определению того, какая именно связь нарушена в конкретной системе, независимо от её масштаба.

Цель настоящей работы – представить теоретико-методологические основания триадного анализа: вывести трёхуровневую модель социальной системы из условий самовоспроизводства, определив состав каждого уровня через функциональную необходимость его элементов, показать место индивида в этой архитектуре и очертить метод диагностики рассогласований между уровнями.

Практическая ценность триады – не в описании того, что система существует, а в диагностике того, почему она в кризисе. Когда исследователь сталкивается с конкретной ситуацией – падение института, распад организации, кризис легитимности, – он видит симптомы, но не видит устройства проблемы: что именно рассогласовано и где. Разделяя три уровня, исследователь видит не «всё плохо», а конкретное соотношение: правило есть, но практики его обходят, а смыслы его делегитимируют – или наоборот: практики работают, но правило отстало, а смыслы ещё не сложились. Без разделения уровней эта конфигурация неразличима: разлад выглядит как хаос, кризис – как беспричинный упадок, устойчивость – как случайность. Эта неразбериха проявляется как привычные, но непонятные ситуации: реформа, которая не приживается, хотя правильно спроектирована; традиция, которая поддерживает порядок, хотя формальные правила давно изменились; институт, который держится на принуждении, потому что утратил внутреннюю легитимность. С разделением каждый режим воспроизводства получает объяснимую форму, а точка приложения для анализа – и для последующего вмешательства – становится различимой.

Предлагаемый подход может быть охарактеризован как социетальная методология¹. Термин «социетальный» (от лат. *societas* – общество) подчёркивает ориентацию на принцип организации, присущий любому социальному целому, – самовоспроизводство через три функции. В отличие от «социальной методологии», которая в социологической традиции чаще относится к анализу локальных взаимодействий, социетальная перспектива применима к системам любого масштаба – от семьи до государства. Опираясь на социологическую традицию, она предлагает единую систему координат, позволяющую интегрировать понятийный аппарат смежных дисциплин – экономики, психологии, философии.

Настоящая статья закладывает основания модели. Дальнейшее развитие: во второй статье будет развёрнута дуальность мотивационных паттернов как циклов социального

¹ Термин «социетальный» используется здесь в ином значении, чем у Т. Парсонса [31], для которого он обозначает макроуровень общественной системы.

обмена; в третьей – механизмы динамики, типология кризисов и операциональные критерии рассогласования уровней. Эмпирическая апробация на конкретном кейсе будет представлена в отдельной публикации. Эта публикация выйдет за рамки цикла работ по социетальной методологии, который посвящён построению метода, но сохранит общий заголовок проекта – «Дуальность мотивационных паттернов и триадный анализ».

Результаты

1. Триадная модель

Для операционального анализа социальной реальности предлагается триадная модель. В её рамках реальность анализируется через три взаимосвязанных, но аналитически различных уровня: Системный, Социальный и Экзистенциальный. Они выделяются не как иерархические ступени, а как аналитические измерения, описывающие различные аспекты социальной организации. Каждый уровень определяется своей функцией самовоспроизводства, и из этой функции с необходимостью следует состав уровня: устранение любого элемента разрушает её конкретным, объяснимым образом.

1.1. Системный уровень

Системный уровень – форма, в которой функция структурирования обретает конкретное воплощение. Название отражает суть: именно здесь разрозненные элементы становятся системой – целым, соотносящим действия участников друг с другом. Как было показано, структурирование состоит в задании объективированных, относительно устойчивых условий, определяющих координаты возможного действия, включая доступ к ресурсам и властным полномочиям.

Системный уровень включает следующие элементы. Первые пять образуют инвариантное ядро; цифровая среда – исторически специфичный слой.

1. Базовые принципы – нормативно-ценностное ядро системы, задающее критерий различения разрешённого и запрещённого. Функция требует определения «координат возможного действия», но они невозможны без точки отсчёта: без указания на то, во имя чего система существует, различение разрешённого и запрещённого лишается критерия.

2. Правила (формальные и неформальные) – законы, уставы, должностные инструкции, а также обычаи и неписанные нормы. Принципы абстрактны; чтобы стать «объективированными условиями», они должны быть специфицированы как конкретные предписания. Без этого шага функция не реализуется: принцип задан, но граница действия не определена.

3. Институты – организационные формы, роли, процедуры и санкции, закрепляющие правила. Функция требует «относительно устойчивых» условий, а правила сами по себе – тексты, которые можно игнорировать или трактовать по-разному. Институты делают правила стабильными и принудительными: без них функция структурирования вырождается в декларацию, рассыпающуюся при первом конфликте интересов.

4. Материально-технологическая база – социально освоенные инфраструктура, средства производства и технологии, задающие материальные пределы действий внутри системы. Функция определяет «координаты возможного действия», но возможность ограничена не только нормами: то, что недостижимо при данных технологиях, не может быть «возможным действием» независимо от того, что разрешают правила. Без этого элемента координаты заданы нормативно, но не материально: действие разрешено, но физически невозможно.

5. Распределение ресурсов и властных полномочий – позиционная структура доступа: кому, на каких основаниях и в каком объёме доступны материальные и нематериальные блага, а также полномочия. Функция прямо включает «доступ к ресурсам и властным полномочиям»: без этого координаты возможного действия определены для системы в целом, но не для её участников. Это структура доступа, а не процесс: она существует независимо от того, пользуется ли кто-то доступом сейчас. Система без этого элемента нормативно полна, но практически пуста: право признано, но структура доступа не определена.

6. Цифровая (виртуальная) среда – программные платформы, алгоритмы, базы данных, цифровые пространства взаимодействия. В отличие от первых пяти элементов, образующих инвариантное ядро уровня, цифровая среда – исторически специфичный слой. Функция требует «объективированных условий», но цифровая среда представляет качественно особый тип объективации: здесь правило встроено в материал – алгоритм действует не только через санкцию, а через саму возможность операции, меняя форму нарушения и интерпретации. Этот тип ограничения не описывается полностью ни через правила (интерпретируемые), ни через материальную инфраструктуру в её нейтральной к содержанию действий форме, и потому требует отдельного учёта. Она становится ядерным элементом там, где является основной средой взаимодействия; в остальных случаях учитывается как модификатор.

Важно различать нормативно закреплённые ценности (Системный уровень) и реально разделяемые смыслы (Экзистенциальный уровень). Первые предписаны и существуют

независимо от того, разделяют ли их участники системы. Вторые существуют потому, что участники их действительно разделяют – независимо от того, получили ли они формальное закрепление. Рассогласование между ними – один из ключевых индикаторов системного кризиса. Аналогично, правила задают границы действия, а не его значение – они отвечают на вопрос «что возможно?», а не «что это значит?» – и потому относятся к структурированию, а не к осмыслению. При этом властные полномочия, локализованные на Системном уровне как структура доступа, не ограничены им: власть проявляется и в практиках (исключение, дисциплина), и в смыслах (легитимация, гегемония).

Этот уровень отвечает на три ключевых вопроса, определяющих объективные условия существования системы:

- 1) «Во имя чего и на каких безусловных истинах существует система?» – базовые принципы;
- 2) «Какие правила, нормы и институты формализуют и принудительно обеспечивают эти основания?» – правила и институты;
- 3) «Что материально, технологически и структурно доступно, а что недостижимо?» – материальная база, цифровая среда, распределение ресурсов и полномочий.

Системный уровень возникает из кристаллизации практик (Социальный) и смыслов (Экзистенциальный), а также под влиянием других триад и внешней среды. Однако он не сводится к ним: институционализовавшись, правила и институты обретают собственную инерцию – они могут воспроизводиться даже тогда, когда породившие их практики изменились, а смыслы, легитимировавшие их ранее, угасли.

Инерция есть следствие самой функции структурирования: она требует «относительно устойчивых условий», а устойчивость, закреплённая в институтах, повышает издержки изменения. Издержки изменения не сводятся к экономическим – это также и политическое сопротивление, и перестройка привычек, и разрушение сложившихся идентичностей. Именно поэтому правила воспроизводятся не потому, что их поддерживают текущие практики или смыслы, а потому, что издержки их смены превышают издержки сохранения [13]. В этом – автономия уровня: воспроизводство идёт преимущественно по логике издержек, а не только по логике породивших его практик и смыслов.

Системные параметры не статичны: их пересмотр становится возможным, когда издержки изменения падают ниже издержек сохранения – например, при резком сдвиге практик (Социальный) или утрате легитимности (Экзистенциальный), делающих поддержание старых правил слишком дорогим. В случае неформальных норм эти издержки –

прежде всего затраты на согласование действий и предотвращение трений. Когда эти затраты превышают издержки пересмотра, норма трансформируется либо отменяется.

1.2. Социальный уровень

Социальный уровень – форма воплощения функции взаимодействия. Именно здесь социальное существует в собственном смысле: как живая связь, возникающая и поддерживаемая только в исполнении. Функция взаимодействия состоит в воспроизводстве системы через живые акты; без него остаётся обьективированная структура без процессуального измерения

Термин «Социальный» используется здесь не в широком смысле (как синоним общественного), а в узком, операциональном значении, принятом в традиции символического интеракционизма и этнометодологии [21; 26; 29]: для обозначения сферы непосредственных практик и коммуникаций, в которых воспроизводятся социальные связи и структуры. Под взаимодействием понимается не только взаимодействие с другими агентами, но и взаимодействие с социальными формами – правилами, символами, смыслами, – осуществляемое в живых актах.

Социальный уровень включает следующие элементы:

1. Акты и практики – конкретные действия осмысленного взаимодействия и общения. Функция требует «живых актов», но акты – единственный материал, через который она осуществляется. Без этого элемента воспроизводство не имеет носителя: есть правила и смыслы, но нет того, в чём и через что они воплощаются.

2. Коммуникация и языковые коды – процесс обмена значениями в живом взаимодействии и разделяемые знаковые системы, без которых этот обмен невозможен. Социальное действие всегда адресовано другому: без коммуникации акты не соотносятся, и взаимодействие распадается на изолированные движения. Без разделяемых кодов коммуникация не интересубъективна: сигналы передаются, но не несут общего значения, а значит, не возникает и координации. Коды фиксируют границу интересубъективности: их совпадение делает согласование возможным, а рассогласование (разные языки, жаргоны, искажённые интерпретации) становится источником сбоя, независимым от намерений участников. В отличие от смыслов Экзистенциального уровня, коды – не содержание, а средства передачи, существующие только в исполнении. В отличие от правил Системного уровня, они не задают границы и структуру доступа, а делают возможным взаимопонимание в пределах этих границ.

3. Ритуалы – повторяющиеся символические действия, поддерживающие социальные связи. Воспроизводство требует повторяемости, а разовые акты систему только

производят. Ритуалы обеспечивают повторяемость и устойчивость; без них взаимодействие фрагментируется и не закрепляется.

4. Динамика признания – процессы завоевания и приписывания репутации, статуса, включения и исключения в непосредственных или опосредованных взаимодействиях. Система воспроизводится, только если участники занимают и подтверждают позиции через действие. Без этого элемента позиционная структура Системного уровня задана, но не наполняется: структура доступа определена, но никто не занимает и не подтверждает своё место через практику.

5. Институционализированные практики – связка практик с правилами: устойчивые формы взаимодействия, в которых практика воспроизводит конкретную конфигурацию, заданную правилом. Они реализуются только в живых актах – этим отличаются от институтов Системного уровня, которые существуют объективированно. Без этого элемента акты есть, но они не связаны с правилами: живое действие отрывается от структуры, и функция превращается в чистую процессуальность без системной определённости.

Практики (Социальный уровень) и правила, которые они воспроизводят (Системный уровень), различаются режимом существования. Правила Системного уровня существуют объективированно: формальные – через текст, неформальные – через устойчивые ожидания, независимые от текущего исполнения. Практики же существуют только в исполнении – они суть процесс, а не его результат. Институционализированная практика – не правило, а способ его исполнения: одно и то же правило может воспроизводиться через разные практики, а одна и та же практика – наполнять разные правила смыслом. В эмпирическом исследовании критерием служит тест: что остаётся, когда действие прекращается? Правило сохраняется как ожидание, практика – нет. Рассогласование между ними – когда правила формально действуют, но не воспроизводятся через практики – ключевой индикатор институционального кризиса.

Этот уровень отвечает на два вопроса:

1) «Через какие повторяющиеся сценарии общения и совместного действия здесь осуществляется воспроизводство системы?» – акты, коммуникация, языковые коды, ритуалы, институционализированные практики;

2) «Через какие практики участники занимают позиции и оказывают признание?» – динамика признания.

Функция Социального уровня – быть полем, где системные параметры транслируются, интерпретируются и ситуативно адаптируются через живые практики (включая институционализированные формы взаимодействия), а также где смыслы и эмоциональные нормы экзистенциального климата проходят проверку и материализуются. В условиях кризиса эта функция радикализуется: структурные условия не просто оспариваются, а активно переосмысливаются и наполняются новыми смыслами через акты взаимодействия – будь то кооперативное конструирование новых норм или открытый конфликт.

При этом Социальный уровень не сводится к роли «проводника» между Системным и Экзистенциальным. Практики обладают собственной логикой воспроизводства, не выводимой напрямую ни из формальных правил, ни из публичных смыслов. Более того, именно в практиках могут зарождаться новые образцы взаимодействия, которые впоследствии оформляются в правила или артикулируются как смыслы. Новое возникает через импровизацию в рассогласовании правил и исполнения, через конфликт интерпретаций, через практическую креативность, не сводимую к следованию норме. В этом проявляется его самостоятельная, а не только посредническая природа – автономия иного рода, чем у Системного: не инерция объективированных структур, а порождающая сила живого действия.

1.3. Экзистенциальный уровень

Осмысление состоит в поддержании коллективно производимого и оспариваемого смыслового горизонта, который связывает элементы системы в осмысленное целое и задаёт мотивацию, значение и оценку. Из этой функции следует состав уровня.

Термин «Экзистенциальный» выбран не случайно. Более очевидные альтернативы – «Смысловой», «Мотивационный», «Ценностный» – фиксируют лишь одну грань того, что уровень включает в целом: одна покрывает лишь смысловые нарративы, другая – лишь готовность к действию, третья – только ценностное ядро. «Культурный» не подходит по иной причине: в социологической традиции это не функциональное измерение, а синтетическая категория, охватывающая правила, практики и смыслы вместе. Назвать так один уровень – значит задать имя, не соответствующее функции: «культура» описывает содержание, а не то, ради чего действует. «Экзистенциальный» же несёт необходимую глубину, охватывая всё вместе – то, ради чего участники действуют в системе. Однако он исторически укоренён в философской традиции, где обозначает фундаментальные онтологические структуры человеческого бытия-в-мире, такие как забота, брошенность или

страх [28; 34]. Здесь же он используется не в этом первоначальном значении, а в строго социологическом: для обозначения intersubjectively разделяемых смысловых режимов, формирующих мотивационно-смысловую ткань системы. Фокус смещается с индивидуального переживания на взаимно производимые феномены – т.е. смыслы, которые существуют не в сознании отдельного участника, а между участниками, и потому доступны наблюдению [15; 2].

Происхождение смыслов многообразно. Они вырастают из практик (Социальный уровень) и правил (Системный уровень). Они могут импортироваться из внешних триад, наследоваться из истории системы либо возникать спонтанно в живом взаимодействии.

Экзистенциальный уровень включает следующие элементы:

1. Смысловые контуры и нарративы – доминирующие или оспариваемые совокупности представлений о цели, ценности и «правильном» действии, претендующие на статус общепринятых и выраженные в высказываниях, символах, жестах, совместных актах. Функция требует разделяемых значений, но они нуждаются в оформлении – в связных рассказах о том, зачем система существует. Без этого элемента правила Системного уровня имеют силу, но не имеют оправдания: участники подчиняются, но не могут артикулировать, ради чего.

2. Эмоциональные нормы – нормативные режимы чувств и оценок: что принято чувствовать, демонстрировать или подавлять; метрики «успешности» и «провала», определяющие, что достойно уважения, а что – презрения. Они относятся к Экзистенциальному уровню потому, что существуют как разделяемая аффективная ориентация – не кодифицированная (как правила) и не сводимая к взаимным ожиданиям (как практики). Оценка здесь – не суждение, а коллективное переживание достойного и недостойного. Критерий различения: коллективное настроение – эмпирически наблюдаемая эмоциональная тональность; эмоциональная норма – предписание, делающее определённую эмоцию социально ожидаемой. Цинизм – настроение, если он статистически преобладает; цинизм – норма, если циничное отношение ожидается и поощряется. Без эмоциональных норм нарративы остаются декларациями, но не мотивируют: ценности известны, но не порождают привязанности.

3. Мотивационные режимы – коллективные, разделяемые конфигурации вовлечённости и отчуждения, в которых смысловой климат проявляется как сила, движущая или тормозящая действие: волны ухода, всплески активности, распространённость апатии или энтузиазма. Мотивационные режимы – не поведение, а готовность к действию;

поведенческие паттерны – лишь их проявление. Эта готовность проявляется в поведении, но не сводится к нему. Без этого элемента смыслы не становятся мотивационно действенными: они остаются декларативными, нормы – предписанными, но ни те, ни другие не определяют, действуют ли участники и как.

Разделяемые смыслы (Экзистенциальный уровень), практики, через которые они циркулируют (Социальный уровень), и правила, которые их закрепляют (Системный уровень), различаются режимом существования. Смыслы циркулируют как разделяемые – не привязаны ни к тексту, ни к конкретной интеракции и существуют потому, что их разделяют, а не потому, что их предписали или исполняют. Смысл может существовать, не будучи воплощён в действии; практика может исполняться без осмысления. Рассогласование между ними – индикатор кризиса.

Два вопроса, на которые отвечает этот уровень, соответствуют двум граням смыслового горизонта – когнитивно-нарративной и аффективно-мотивационной.

1. «Ради чего участники действуют в системе – какой общий смысл участия и какая картина "правильного" действия доминируют в разделяемых нарративах?» – смысловые контуры и нарративы;

2. «Каков преобладающий мотивационно-смысловой климат – какие чувства, оценки и мотивационные режимы воспроизводятся как норма?» – эмоциональные нормы, мотивационные режимы.

Функция Экзистенциального уровня – поддержание смыслового горизонта, в котором качество связи между системными параметрами и социальными практиками находит выражение в мотивационно-смысловом климате. Будучи для участников само собой разумеющимся², этот климат служит ключевым источником легитимации или делегитимации системных правил и социальных практик.

В рамках этого климата социально приемлемой становится одна из возможных конфигураций смыслового горизонта – с доминированием определённой мотивационной логики. Утвердившись, она задаёт векторы последующих действий и материализуется в поддержании или трансформации параметров и практик. Доминирующий смысловой контур может приобретать гегемонический характер: он не просто доминирует, но вытесняет альтернативы на периферию, где они перестают восприниматься как легитимные [23; 24]. В этом случае мотивационная логика обеспечивается не только практической эффективностью,

² Само собой разумеющийся – в феноменологическом смысле: не требующий рефлексии [15, 2].

но и подавлением альтернатив [4]. Там же, где гегемония отсутствует, альтернативы сохраняют легитимность – но не определяют логику системы.

При этом Экзистенциальный уровень не является лишь «продуктом» двух других. В точках коммуникативной интенсивности, в кризисных разрывах рутины, в харизматических взаимодействиях возникает избыток смысла, не выводимый напрямую из существующих правил и практик. Это эмерджентный эффект взаимодействия. Кристаллизуясь в новых нарративах, ценностях, образах желаемого будущего, он обретает интерсубъективную реальность и становится силой, способной перестраивать и практики, и институты. В этом – автономия третьего типа: не инерция объективированных структур (Системный) и не порождающая сила живого действия (Социальный), а эмерджентность смысла, который начинает циркулировать, трансформироваться и угасать по собственной логике. Нарратив может пережить и породившие его практики, и породившие его правила – и в этом промежутке существовать как самостоятельная сила, перестраивающая и те, и другие. Модель, таким образом, не редуцирует смысл к структурам и не постулирует его трансцендентное происхождение: она фиксирует его двойственную природу – быть одновременно и результатом социального взаимодействия, и его источником.

1.4. Индивид и агентность

Индивид не образует четвёртого уровня. Уровни – аналитические абстракции, выделяющие измерения социальной реальности, а не онтологические слои, между которыми можно распределить участников. Индивид находится на пересечении всех трёх: действует в рамках объективированных правил (Системный уровень), участвует в живых практиках и коммуникациях (Социальный уровень), осмысливает свои действия через разделяемые нарративы (Экзистенциальный уровень). Его действия не сводятся ни к одному из этих измерений, но всегда опосредованы всеми тремя одновременно. Индивид – не элемент системы наряду с правилами и практиками, а узел, в котором социальный порядок воспроизводится или трансформируется. Именно через его действия правила реализуются или нарушаются, практики воспроизводятся или изменяются, смыслы подтверждаются или оспариваются.

Агентность не является свойством личности: в таком случае она распределялась бы неравномерно между индивидами независимо от конфигурации системы. Способность действовать иначе, напротив, обусловлена соотношением уровней – один и тот же индивид может быть более или менее агентным в разных конфигурациях. Следовательно, агентность – не психологическая черта, а конфигурационная позиция: действие всегда опосредовано

три измерениями, и ни одно из них не определяет его целиком. Именно эта неполнота определения открывает пространство, в котором действие не предписано, а возможно. Свобода здесь – не отсутствие определения, а множественность несовпадающих определений.

Доминирующие подходы различаются в том, откуда выводят агентность. В методологическом индивидуализме точка отсчёта – индивид: структуры производны от совокупности его действий. В методологическом холизме точка отсчёта – структуры: индивид произведен от позиций и диспозиций, которые они формируют. Попытки преодолеть эту дихотомию – дуальность структуры у Гидденса [6], габитус у Бурдьё [23; 24] – переносят проблему в плоскость синтеза, но смысловой уровень и в том, и в другом случае не выделяется как самостоятельное измерение: у Гидденса он встроен в интерпретативные схемы, у Бурдьё – в диспозиции, производные от поля. Расхождение с Бурдьё принципиально: у него рассогласование локализовано в одном измерении, тогда как триадная модель различает три независимые оси, и агентность открывается не в гистерезисе одного измерения, а в множественности несовпадающих определений. Как показывает критический обзор этих подходов [14], их ключевое ограничение – онтологическая неразличимость структуры и действия. Предлагаемая модель вводит смысловой уровень отдельно и тем самым меняет саму постановку вопроса: агентность не «есть» и не «отсутствует», а открывается в несовпадении трёх измерений. Это позволяет описывать агентность без сведения к индивидуальным психологическим свойствам и без наделения ею структур, сохраняя её как человеческую способность, реализуемую в действии.

1.5. Динамика триады

Уровни триады не существуют изолированно: каждый из них есть аналитическое измерение социального, и их взаимодействие составляет саму ткань социальной реальности. Поскольку процессы на каждом уровне – институциональное регулирование, практическое взаимодействие, смыслополагание – имеют собственные механизмы и темпы, их согласованность является не нормой, а частным случаем. Базовым состоянием триады выступает рассогласование: ситуация, в которой правила предписывают одно, практики делают другое, смыслы описывают третье.

Для иллюстрации: в корпорации, унаследовавшей климат инноваций от основателей, внедряются правила жёстких KPI, наказывающих за ошибки. Системный уровень меняется первым – новые правила предписывают избегать неудач. Социальный уровень следует не сразу: практики свободного обсуждения ещё сохраняются, но постепенно вытесняются

поведением с оглядкой на безопасность. Экзистенциальный уровень меняется последним: нарратив инноваций не исчезает мгновенно, а переосмысливается – из описания реальности превращается в описание ритуала, имитации, пустой траты времени. Три уровня расходятся.

Рассогласование порождает напряжение. В рамках данной модели напряжение не может оставаться статичным неопределённо долго: оно либо разрешается, либо накапливается. Если конфигурация может быть перестроена так, что уровни снова приходят в согласование, – возникает адаптация. Новая конфигурация не возвращается к прежнему состоянию: климат инноваций трансформируется в климат профессиональной эффективности, и рассогласование снимается через переопределение всех трёх уровней одновременно.

Если ни один уровень не может быть перестроен, но система продолжает существовать, – возникает стагнация. Хроническое напряжение не устраняется, но и не приводит к немедленному распаду: система воспроизводит рассогласованную конфигурацию, не развиваясь, но и не распадаясь. Это воспроизводство может принимать разные формы – от имитации и цинизма до простой инерции и рутинного повторения, – но сохраняет самоподдерживающий характер: система покрывает затраты на собственное воспроизводство. Однако стагнация не бесплатна: поддержание конфигурации, в которой уровни не совпадают, требует непрерывных затрат – истощения ресурсов, подрыва легитимности, размывания идентификаций. Пока система способна эти затраты покрывать, она удерживает эту конфигурацию. Но ресурс не бесконечен. Кризис начинается не тогда, когда рассогласование усиливается, а когда воспроизводство рассогласованной конфигурации перестаёт быть самоподдерживающим – цена поддержания превышает ресурс, которым система располагает. Имитация перестаёт работать: практики перестают симулировать, формальные правила теряют статус референтных. Система уже не может оставаться в прежнем режиме, но не обязательно распадается немедленно: если её удерживают внешние ресурсы – поддержка других триад, внешние акторы – либо собственные резервы, не восполняемые текущим воспроизводством, кризис становится хроническим. Система существует, но уже не воспроизводит себя самостоятельно – она удерживается извне или истощает накопленные резервы.

Если кризис не разрешается – ни через адаптацию, ни через формирование новой устойчивой конфигурации, – и при этом исчерпываются все ресурсы, способные удерживать систему, – внутренние резервы и внешняя поддержка, – система распадается. Пока хотя бы один источник удержания сохраняется, кризис может оставаться хроническим сколь угодно долго. Распад – не неизбежный финал кризиса, а его конечная точка при полном истощении

компенсаторных механизмов. Распад означает необратимую утрату структуры взаимных ожиданий, связывавшей уровни в единое целое. Однако распад не означает исчезновения элементов: люди, ресурсы, идеи перераспределяются по другим триадам, в которые они были включены одновременно с распавшейся.

Поскольку уровни суть аналитические измерения, а не онтологические слои, процессы на каждом из них могут быть активными – производить наблюдаемые акты – или свёрнутыми – не производить их. Если все три свёрнуты, триада находится в латентном состоянии: практики не осуществляются, правила не применяются, смыслы не артикулируются. Но структура ожиданий сохраняется – не как четвёртый элемент, а как сама конфигурация уровней в свёрнутом виде: правила сохраняются в институциональных следах, практики – в навыках участников, смыслы – в общем опыте. Уровни свёрнуты в режиме проявления, но не в режиме хранения.

Это позволяет системе быть реактивированной при появлении триггера – общей задачи, встречи, внешнего вызова. Латентность отлична от распада: при распаде структура ожиданий утрачена, и даже если прежние элементы вступят во взаимодействие, они выстроят иную триаду, а не восстановят прежнюю. Латентность не является пятым сценарием, а ортогональна всем четырём: она описывает не исход напряжения, а режим существования триады – активный или свёрнутый – и потому прерывает течение текущего сценария, не отменяя его. Триада может перейти из кризиса в латентность, если внешние условия перестают требовать активного функционирования.

Триады не изолированы: каждая одновременно включена в другие триады. Распад одной перераспределяет её элементы в те триады, с которыми она была связана. Масштаб перераспределения зависит от того, насколько другие триады зависели от распавшейся – от плотности ресурсных, структурных и смысловых связей с ней. Эта степень зависимости определяется как вес триады. Вес не является внешним параметром и не сводится к масштабу: небольшая триада – например, семья, чьи смыслы разделяются широким сообществом, – может иметь высокий вес; крупный, но периферийный отдел – низкий. Вес – не размер и не центральность, а позиция в сети зависимостей. Распад семьи, чьи смыслы разделяются широким сообществом, перекраивает конфигурации других триад; распад крупного, но периферийного отдела не затрагивает остальные триады.

Четыре сценария не только сменяют друг друга, но и исчерпывают логическое пространство. Для разрешения напряжения – внутри данной логики – промежуточных исходов нет: напряжение либо снимается, либо воспроизводится, либо угрожает

целостности, либо разрушает её. Однако смена сценариев не predetermined во времени: стагнация может длиться десятилетиями, пока система покрывает затраты на поддержание рассогласованной конфигурации; кризис может оставаться хроническим, пока внешние ресурсы удерживают систему от распада. Каждый сценарий является следствием невозможности предыдущего: напряжение, не разрешающееся через адаптацию, ведёт к стагнации; стагнация, исчерпывающая ресурсы, – к кризису; кризис, не разрешающийся через новую конфигурацию и не удерживаемый внешними ресурсами, – к распаду.

Конфигурация рассогласований и их тяжесть связаны с тем, сколько осей рассогласованы одновременно. Если рассогласована одна ось, система может компенсировать через две другие – это наиболее вероятный путь адаптации. Если рассогласованы две оси, компенсация затруднена: одна согласованная пара ещё обеспечивает якорь, но удержание требует растущих затрат – вероятно стагнация, переходящая в кризис при истощении ресурсов. Если рассогласованы все три оси, ни одна пара не обеспечивает согласованного якоря – компенсировать нечем, и распад становится наиболее вероятным исходом. Эта связь не механична: одна глубоко рассогласованная ось может дестабилизировать систему сильнее, чем две поверхностные. Но как диагностическая гипотеза она указывает, что тяжесть дисфункции связана не только с фактом рассогласования, но и с его конфигурацией – тем, сколько осей нарушено и насколько глубоко. Этот срез диагностики независим от анализа блокировок мотивационных паттернов (разрабатываемого в следующей статье): оси фиксируют рассогласование между уровнями, паттерны – состояние циклов обмена. Оба среза дополняют друг друга, но не сводятся один к другому.

Латентность и вес производны от архитектуры модели: первая – из аналитической природы уровней, позволяющей сворачивать, но не уничтожать измерения; второй – из вложенности триад, делающей распад одной событием для других.

1.6. Универсальность и аналитический статус модели

Локальное изменение на одном из уровней инициирует пересогласование всей триады – и в этом проявляется холистический принцип модели: свойства системы не сводимы к свойствам отдельных уровней – они возникают из их взаимодействия, и изменение одного необходимо затрагивает целое. Аналогичные процессы запускаются и под воздействием внешних событий, провоцирующих перестройку.

Как именно разворачивается это пересогласование? Принцип взаимообусловленного напряжения связывает уровни так, что рассогласования выступают источником динамики, а

их разрешение – формой снятия (Aufhebung) [5], при котором система переходит к новой конфигурации, сохраняя достигнутое. Снятие – диалектический механизм (логика перехода); адаптация – эмпирический результат (конкретная конфигурация, в которой уровни согласованы после перестройки). В этом – применение диалектики: противоречие не устраняется, а снимается, порождая новую форму. Но снятие не всегда продуктивно: если напряжение не разрешается через адаптацию, накопленное рассогласование переходит в новое качество – стагнацию или кризис. Направление этого перехода не предопределено: оно зависит от того, какой уровень оказывается ведущим в данной конфигурации. Поскольку уровни – аналитические, а не онтологические, характер и направленность влияний зависят от конкретной конфигурации: в одних случаях доминирует детерминация со стороны Системного уровня, в других – со стороны Экзистенциального, в-третьих – со стороны социальных практик. Задача анализа – выявить, какие связи в данный момент являются определяющими.

Эта динамика не привязана к масштабу. Аналогичный анализ применим к семье (график мытья посуды vs климат взаимопомощи) и к государству (экономические реформы vs национальные нарративы). Критически важен не масштаб, а качество взаимной адаптации трёх уровней – свойство, не сводимое к отдельным уровням.

Универсальность этих примеров – не эмпирическое обобщение, а следствие аналитического статуса модели. Три функции определены через условия самовоспроизводства: если система воспроизводится, она выполняет все три. Это определение задаёт границу между ядром и периферией модели. Ядро – аналитическое. Периферия – проверяемая: модель генерирует гипотезы о том, что рассогласование уровней порождает напряжение, что неразрешённое напряжение ведёт к стагнации и кризису, что латентность отличается от распада, что вес триады определяет масштаб перестройки при распаде.

Однако не всякое социальное образование является самовоспроизводящейся системой. Те, что удерживаются извне, составляют особый диагностический случай: анализ выявляет, какая именно из трёх функций дефицитна, – и тем самым предсказывает характер зависимости от внешнего усилия. В этом проявляется эвристическая функция идеальнотипической конструкции в веберовском смысле [4; 36]: модель задаёт критерий аналитической полноты, относительно которого измеряется отклонение реального образования от конструкции самовоспроизводящейся системы. Модель не опровергается таким случаем – она указывает, чего именно не хватает для самовоспроизводства.

Здесь возможен вопрос: если ядро аналитическое, не значит ли это, что модель невозможно проверить? Это прямое следствие аналитического статуса. Аналитическое ядро модели – не утверждение о том, что есть в мире, а условие того, что вообще можно опознать как систему: нет структурирования – нет правил; нет взаимодействия – нет практик; нет осмысления – нет мотивации. Опровергнуть это – значит описать воспроизводящуюся систему без одного из этих измерений, что по определению невозможно. Но научность модели не в фальсифицируемости ядра, а в том, что оно позволяет различать. Если эти различия не подтвердятся эмпирически, модель не выдержит отбора: не потому что будет опровергнута в ядре, а потому что не даст исследователям того, чего не давали другие инструменты.

Определив статус модели, можно уточнить её отношение к существующим социологическим теориям. Тriaдная модель предлагает операциональный язык для диагностики рассогласований, который может использоваться совместно с ними, не отменяя и не замещая их. Например, теория структуризации Гидденса [6] фиксирует дуальность структуры и действия, но не выделяет рассогласование между ними как самостоятельный объект анализа. Аналогично, теория полей Бурдьё [23; 24] описывает феномены гистерезиса (рассогласования габитуса и поля), морфогенетический подход Арчер [19] – структурные и культурные напряжения, теория социальных систем Лумана [11] – нарушения структурного сопряжения между автономными системами (интеракция, организация, функциональная система), то есть между разными типами систем. Тriaдная модель, напротив, описывает рассогласование между тремя функциями одной системы, аналитически разделимыми, но функционально спаянными. Каждая из рассмотренных теорий фиксирует рассогласование внутри собственной аналитической оптики, но ни одна не ставит задачу диагностики конфигурации рассогласований между тремя аналитически разделимыми уровнями как самостоятельной задачи. Тriaдный анализ предлагает такой язык, открывающий возможность формулировать проверяемые гипотезы о характере и источнике рассогласований. Аналитическая делимость уровней – условие этой возможности: без неё рассогласование нельзя локализовать и типологизировать.

Позиционирование модели среди существующих теорий подводит к вопросу о механизмах, которые она добавляет. Модель описывает социальную реальность как поле напряжения между тремя функциями, а роль связующего звена выполняют мотивационные паттерны – устойчивые циклы социального обмена, возникающие на стыке всех трёх уровней. Они различаются по логике обмена: инструментальный цикл – где вознаграждение конвертируемо и отчуждаемо от контекста действия, и имманентный цикл – где смысл

порождается через признание, неотделимое от разделяемой ценности. Именно взаимодействие этих паттернов, как будет показано в следующей статье, задаёт направление динамики системы.

1.7. Метод диагностики

Анализ разворачивается в две фазы. Сначала необходимо реконструировать каждый уровень – описать, что реально закреплено, что реально делается и что реально осознаётся. Сравнивать можно только то, что уже зафиксировано: сопоставление уровней до их самостоятельной реконструкции даст не диагноз, а проекцию исследовательских ожиданий на материал. Затем выявляются рассогласования между уровнями – это и есть предмет диагностики.

Фаза 1. Реконструкция уровней

Шаг 1. Системный уровень. Анализ документов и текстов, закрепляющих формальные правила; интервью с теми, кто их задаёт и поддерживает; наблюдение за их соблюдением и нарушением. К формальным источникам добавляются свидетельства о неформальных нормах – неписаных, но устойчивых нормативных ожиданиях, – данные о распределении ресурсов и анализ материально-технологической базы. Последняя задаёт объективные границы возможного действия: для семьи – жильё и бытовая техника, для государства – инфраструктура и технологии.

Шаг 2. Социальный уровень. Этнографическое наблюдение за повторяющимися практиками и взаимодействиями; анализ коммуникации – речевой, невербальной, письменной. Непосредственные и опосредованные формы взаимодействия анализируются на равных. Наблюдение фиксирует повторяющиеся сценарии взаимодействия – кто с кем, как часто, в какой форме; особое внимание – ритуалам подтверждения и перераспределения статуса (динамика признания), поскольку именно здесь позиционная структура Системного уровня наполняется признанием или остаётся пустой.

Шаг 3. Экзистенциальный уровень. Анализ высказываний, нарративов и символов; наблюдение за символически и эмоционально нагруженными действиями. Дискурсивные данные дополняются поведенческими и артефактными индикаторами как косвенными проявлениями мотивационных режимов. Эмоциональный климат фиксируется через соотношение позитивно и негативно окрашенных высказываний в доступных наблюдению каналах.

Один и тот же эмпирический материал – документ, ритуал, жест – может анализироваться на разных уровнях, но под разными вопросами: на Системном – как формально закреплённая норма или распределение ресурсов; на Социальном – как устойчивый паттерн взаимодействия; на Экзистенциальном – как носитель ценностно-смыслового содержания.

Фаза 2. Выявление рассогласований

Шаг 4. Сопоставление уровней. По данным, собранным на шагах 1–3, выявляются рассогласования по трём осям:

- 1) правила – практики: закреплённые правила расходятся с реальным поведением?
- 2) практики – смыслы: устойчивые способы действия не подкреплены разделяемыми смыслами?
- 3) смыслы – правила: разделяемые смыслы противоречат закреплённым правилам?

Шаг 5. Оценка самовоспроизводства. Выявленное рассогласование оценивается по его влиянию на самовоспроизводство системы. Ключевой вопрос: компенсируется ли рассогласование рутинно – или оно требует адаптивной перестройки, которую система не способна осуществить? Качество связи между уровнями оценивается по двум параметрам: глубина рассогласования – затрагивает ли оно ядро уровня (то, без чего уровень не выполняет свою функцию) или периферию (то, что может быть перестроено без потери функции); компенсируемость – способна ли система закрыть разрыв через перестройку одного уровня без разрушения других. Если система отвечает пересмотром собственных элементов – правил, практик или смыслов – адаптивный потенциал сохранён. Если рассогласование удерживается без перестройки – адаптация угнетена. Результат шага – итоговый диагноз: не просто фиксация того, что рассогласовано, а оценка того, угрожает ли это рассогласование самовоспроизводству системы и сколько осей вовлечено в рассогласование. В зависимости от результата система может быть отнесена к одному из четырёх сценариев, описанных в разделе 1.5. Сценарии – диагностические состояния, не стадии с предопределённой длительностью: стагнация и кризис могут длиться сколь угодно долго, пока система располагает ресурсами удержания.

На этом метод первой статьи завершается. Диагностика индивидуальной агентности – определение того, в какие рассогласования уровней попадает конкретный индивид – требует дополнительного шага и будет развита отдельно. Дальнейшие шаги – определение конкретных механизмов и типов кризисов – будут представлены в следующих статьях.

Заключение

Предложена триадная модель анализа социальных систем, выделяющая три инвариантных к масштабу уровня – Системный (правила, институты, ресурсы), Социальный (практики, коммуникации, ритуалы) и Экзистенциальный (разделяемые смыслы, эмоциональные нормы, мотивационные режимы), – и метод диагностики рассогласований между ними. Модель опирается на три функции самовоспроизводства – структурирование, взаимодействие, осмысление, – каждая из которых отвечает на отдельный вопрос и не сводится к двум другим.

Сдвиг, который даёт модель, состоит в следующем:

1) микро-макро переформулировано из задачи связи масштабов в задачу согласованности уровней, инвариантных к масштабу, – семья и государство анализируются в единой системе координат;

2) источник динамики локализован не в элементах, а в качестве связей между ними, – три оси рассогласования (правила–практики, практики–смыслы, смыслы–правила) существуют одновременно, и выравнивание одной не устраняет напряжения по двум другим;

3) индивид не образует четвёртого уровня, а выступает узлом на пересечении трёх; агентность открывается в зазоре между уровнями – там, где ни один не определяет действие целиком.

Наряду с этими сдвигами, модель вводит понятия латентного состояния и веса триады, открывающие возможности для анализа систем в сетях взаимозависимостей и различения свёрнутого и разрушенного состояний.

Выделяемые уровни (Системный, Социальный, Экзистенциальный) представляют собой не онтологические «слои» социальной реальности и её «истину», а строго аналитические инструменты её диагностики. Социальная реальность в своей эмпирической полноте устроена сложнее любой, даже самой продуманной аналитической схемы. В живой социальной ткани правила, практики и смыслы спаяны в единый континуум; их разделение – методологический приём, упрощение сложной реальности, позволяющее выявить доминирующие связи и точки рассогласования. Упрощение здесь – не недостаток, а эвристический принцип: именно отказ от воспроизведения всей эмпирической сложности мира и создаёт возможность его аналитического схватывания. Такой подход, наследующий веберовской традиции идеально-типического конструирования, защищает модель от реификации – ошибочного приписывания аналитическим конструктам статуса реально

существующих «вещей» – и обеспечивает её применимость к системам любого масштаба без навязывания им жёсткой онтологической схемы.

Модель не претендует на замену дисциплинарных языков – она задаёт систему координат, в которой понятийные аппараты разных дисциплин могут быть соотнесены. Предлагаемая триадная модель может рассматриваться как вклад в развитие междисциплинарного синтеза, необходимость которого особенно активно обсуждается в российской научной традиции и связывается, в частности, с формированием третьей интегративной волны в развитии социологического знания [10; 17]. Эта повестка созвучна и современным зарубежным исследованиям, фиксирующим устаревание микро-макро-разделения [38] и потребность в новых интегративных подходах, способных соединить анализ системных дисфункций, практик и смыслов – то есть именно тех измерений, которые в предлагаемой модели концептуализированы как Системный, Социальный и Экзистенциальный уровни (см.: [27; 35; 37]).

Развитие динамической составляющей модели – взаимодействие мотивационных паттернов, типология кризисов и операциональные критерии рассогласования уровней – будет развёрнуто в последующих статьях. Эмпирическая апробация на конкретном кейсе будет представлена в отдельной публикации.

Литература

1. Амбарова П.А. Социальная фрагментация сообществ в современной России: в поисках социологической теории // Социологические исследования. 2022. № 1. С. 41–51. DOI: 10.31857/S013216250017229-4.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е. Руткевич. М.: Медиум; Academia-Центр, 1995. 323 с. ISBN 5-85691-036-2.
3. Бурдье П. Практический смысл / Пер. с фр. А. Т. Бикбова, К. Д. Вознесенской, С. Н. Зенкина, Н. А. Шматко; общ. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. СПб.: Алетеия, 2001. 562 с. ISBN 5-89329-351-7.
4. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. В 4 т. / Пер. с нем. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016–2019. ISBN 978-5-7598-0333-1.
5. Гегель Г. В. Ф. Наука логики. В 3 т. / Пер. с нем. Б. Г. Столпнера. М.: Мысль, 1970–1972.
6. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации / Пер. с англ. И. Тюриной. М.: Академический проект, 2005. 528 с. ISBN 5-8291-0629-9.
7. Гусева И.И. Эволюция стратегий микроанализа социального как фактор трансформации рациональности в социогуманитарных науках // Манускрипт. 2025. Т. 18. Вып. 4. С. 1653–1657.
8. Дюркгейм Э. Правила социологического метода / Пер. с фр. В. Желнинова. М.: АСТ, 2021. 384 с. ISBN 978-5-17-137831-8.
9. Иванов Д.В. Мультипарадигмальная социология в ситуации постглобализации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2023. Т. 16. Вып. 1. С. 116–120. DOI: 10.21638/spbu12.2023.108.
10. Иванов Д.В., Асочаков Ю.В., Гулькина К.П. Социология в XXI веке: между фрагментацией и интеграцией // Наука. Культура. Общество. 2024. Т. 30. № 3. С. 6–25. DOI: 10.19181/nko.2024.30.3.1.
11. Луман Н. Социальные системы: Очерк общей теории / Пер. с нем. И.Д. Газиева; под ред. Н.А. Головина. СПб.: Наука, 2007. 643 с. ISBN 978-5-02-026871-5.
12. Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 13. М.: Госполитиздат, 1959. С. 1–167.

13. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А.Н. Нестеренко. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с. ISBN 5-88581-006-0.
14. Сорокин П. С. Проблема «агентности» через призму новой реальности: состояние и направления развития // Социологические исследования. 2023. № 3. С. 103–114. DOI: 10.31857/S013216250022927-2. URL: <https://www.socis.isras.ru/article/9542>
15. Шюц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / Сост. А.Я. Алхасов; пер. с англ. А.Я. Алхасова. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. 336 с. ISBN 5-93947-012-2.
16. Элиас Н. О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования. В 2 т. / Пер. с нем. А.М. Руткевича. М.; СПб.: Университетская книга, 2001. 714 с. ISBN 5-94483-011-5.
17. Эфендиев А.Г., Кожанов А.А. Пути модернизации социологической идентичности: опыт теоретического поиска // Журнал социологии и социальной антропологии. 2024. Т. 27. № 2. С. 7–37. DOI: 10.31119/jssa.2024.27.2.1.
18. Alexander J.C. (ed.). The Micro-Macro Link. Berkeley: University of California Press, 1987. 400 p.
19. Archer M.S. Realist Social Theory: The Morphogenetic Approach. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 354 p.
20. Arundale R.B. The emergence of social order in everyday interacting: re-conceptualizing a venerable sociological concept in light of conversation analysis // Frontiers in Sociology. 2023. Vol. 8. Article 1102449. DOI: 10.3389/fsoc.2023.1102449.
21. Blumer H. Symbolic Interactionism: Perspective and Method. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1969. 208 p.
22. Bourdieu P. Le sens pratique. Paris: Les Éditions de Minuit, 1980. 475 p. ISBN 2-7073-0298-8.
23. Bourdieu P. Les règles de l'art: Genèse et structure du champ littéraire. Paris: Éditions du Seuil, 1992. 480 p. ISBN 2-02-018159-2.
24. Bourdieu P. Sur l'État: Cours au Collège de France (1989–1992). Paris: Raisons d'agir/Seuil, 2012. 672 p. ISBN 978-2-02-066224-6.

25. DiMaggio P.J., Powell W.W. The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields // *American Sociological Review*. 1983. Vol. 48. No. 2. P. 147–160.
26. Garfinkel H. *Studies in Ethnomethodology*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1967. 288 p.
27. Geise M., Lana B., Puri A., Maffi P., Apáez L.M., van Dormolen S., Maukner A.C., Falero Cusano M., Elessawi R., de Vries D.H. Integrating social sciences in community engagement in humanitarian action: benefits and challenges seen from the field // *Journal of International Humanitarian Action*. 2024. Vol. 9. Article 12. DOI: 10.1186/s41018-024-00155-8.
28. Heidegger M. *Sein und Zeit*. Halle a.d.S.: Max Niemeyer Verlag, 1927.
29. Mead G.H. *Mind, Self, and Society: From the Standpoint of a Social Behaviorist* / Ed. by C.W. Morris. Chicago: University of Chicago Press, 1934. 439 p.
30. Otreshko N. Micro-macro synthesis on the example of theories of social practices in sociology // *Соціологія: теорія, методи, маркетинг*. 2025. № 1. С. 125–140.
31. Parsons T. *The Social System*. Glencoe, IL: The Free Press, 1951. 575 p.
32. Ritzer G. *Metatheorizing in Sociology*. Lexington, MA: Lexington Books, 1991. 362 p.
33. Ryan R.M., Deci E.L. Self-Determination Theory and the Facilitation of Intrinsic Motivation, Social Development, and Well-Being // *American Psychologist*. 2000. Vol. 55. No. 1. P. 68–78. DOI: 10.1037/0003-066X.55.1.68.
34. Sartre J.-P. *L'Être et le Néant: Essai d'ontologie phénoménologique*. Paris: Gallimard, 1943.
35. Sushyi O. Societal paradigm of social forecasting: Analytical Operationalization of the Psychological Framework of Social Forecasting // *Problems of Political Psychology*. 2025. Vol. 18. No. 32. P. 121–138. DOI: 10.33120/popp-Vol18-Year2025-223.
36. Weber M. Die «Objektivität» sozialwissenschaftlicher und sozialpolitischer Erkenntnis // *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*. 1904. Bd. 19. S. 22–87.
37. Wen X. End of 'prophecy' and China's search for autonomous sociology // *Chinese Social Sciences Today*. 2025. October 14. URL: http://english.cssn.cn/skw_research/sociology/202510/t20251014_5918765.shtml

38. Ylikoski P. Getting lost with levels: the sociological micro-macro problem // Synthese. 2024. Vol. 204. Article 175. DOI: 10.1007/s11229-024-04841-3.